

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Савва Морозов ворвался в мою жизнь стремительно, как и полагается человеку с таким характером.

— Темой вашей диссертации, Натали, будет... — Мой научный руководитель, проректор по науке Московского государственного историко-архивного института, харизматичный профессор Николай Петрович Ерошкин почему-то задумчиво обвел взглядом висевшие на стенах кабинета портреты классиков марксизма-ленинизма...

Стараясь скрыть волнение: выбор научного пути как минимум на ближайшие три года — дело нештучное, я посмотрела вслед за ним, но, натолкнувшись на безразличный ко всему, кроме экономической теории коммунизма, взгляд Карла Маркса, отвела глаза.

— Давайте-ка возьмем Московское городское самоуправление, — продолжил профессор, хитро улыбнувшись сначала Марксу, а потом мне. — Знаете ли, Москва купеческая... Такая тема! Вы же у нас дореволюционер. Вот вам и карты в руки. Три года аспирантуры... — по его лицу скользнула улыбка, — еще будете вспоминать это время, как самое счастливое...

«Что ж, — усмехнулась я, уже выходя из кабинета, — Карл Маркс подсказал неплохой выбор».

— Кстати, Натали, — услышала я вслед и обернулась. — Среди гласных Городской думы был один человек... Хотел бы, чтобы вы с ним познакомились поближе. Кажется мне, из вашей встречи может получиться отличный... роман...

Важно поправив очки с простыми стеклами, — необходимый атрибут аспирантки в двадцать один год — я попыталась уточнить фамилию будущего героя своего романа.

— А вот этого я вам не скажу. — Расплылся в улыбке Николай Петрович. — История, голубушка, штука тонкая. Надо, чтобы он сам вас заметил. Только тогда и сложится...

Три последующих и вправду счастливых года я прожила в Москве начала XX века, куда была перенесена машиной времени под названием «историческое исследование».

Документальные источники и литература... За этими словами скрывались не только сухие отчеты и протоколы заседаний Московской Городской думы, газетные статьи и мемуары, но письма и дневники, с пожелтевших страниц которых выплескивались чувства, мысли, переживания и страсти, бушевавшие в сердцах людей, имена которых мы помним до сих пор: А. Бахрушин, С. Мамонтов, В. Пржевальский, Н. Гучков, С. Морозов, В. Голицын. Изучая их непростые судьбы, я всякий раз буквально спотыкалась о нестыковки и разночтения, связанные с жизнью одного из них — Саввы Тимофеевича Морозова, который с хитрым прищуром смотрел на меня с фотографии...

Через три года диссертация была защищена, но личность Саввы Морозова не отпускала. Осталось много вопросов, ответы на которые тогда так и не были найдены. Они касались не только самого Морозова, но и многих окружавших его людей.

Например, как могла мать Саввы, Мария Федоровна, давшая прекрасное образование детям, по утверждению одного из советских писателей, не интересоваться печатным словом, не посещать театры и музеи, не пользоваться электричеством, из боязни простуды не мыться, предпочитая обтираться одеколоном? А как же найденные в архиве фотографии погруженной в чтение Марии Федоровны и электрический светильник рядом? И как же письмо гувернера младших Морозовых, в котором тот упоминал, что во время поездки в Берлин Мария Федоровна настояла на посещении Дрездена, чтобы показать детям знаменитую галерею? Да и сам Савва Морозов рассказывал Исааку Левитану, кстати, несколько лет с разрешения Марии Федоровны прожившему во флигеле ее дома, что именно она привила детям любовь к прекрасному, регулярно посещая с ними Императорский Большой и Малый театры и симфонические концерты в Москве и Петербурге. Возможно, именно тогда в душе Саввы поселилась любовь к театру, благодаря которой Россия имеет ныне жемчужину культуры — Московский Художественный театр.

Чем больше я занималась темой, тем отчетливее понимала — история Саввы Морозова очередная фальсификация советской историографии. Но зачем? Почему даже его внук, в книге «Дед умер молодым» представил Савву как безвольного, мечущегося

человека, но в то же время почти революционером и другом Баумана? Зачем вслед за Горьким утверждал, что Савва лично брил бороду попу Гапону 9 января 1905 года, чтобы помочь тому скрыться от царских ищеек? А как же телеграмма Горького от 9 января 1905 года, адресованная Екатерине Пешковой: «После-завтра, т.е. 11-го, я должен буду съездить в Ригу — опасно больна мой друг Мария Федоровна — перитонит. Это грозит смертью, как телеграфируют доктор и Савва»? Значит, 9 января Морозов был в Риге? Об этом же свидетельствует и сама Андреева, утверждая, что в эти январские дни Морозов неотлучно находился у ее постели.

Но самая большая тайна — обстоятельства смерти Саввы Морозова в мае 1905 года в Каннах...

Помню теплый майский день, когда у входа в Историко-архивный институт ждала... Савву Тимофеевича Морозова. Нет, не того Савву, а его внука — писателя, автора книги «Дед умер молодым». О встрече, по моей просьбе, договорился Николай Петрович Ерошкин. Уже около тридцати минут я стояла на Никольской улице у входа в институт, с волнением вглядываясь в лица проходящих мужчин и пытаюсь угадать, кто же из них внук Саввы. Наконец, увидела ... Широкое лицо с узкими губами, жесткий взгляд удлинённых глаз... Похож... Я смотрела и чувствовала, как негодование, охватившее меня после чтения некоторых страниц его книги, уходит, и на его место приходит радость от присутствия рядом ЕГО внука.

Савва Тимофеевич-младший выглядел усталым и оказался замкнутым и настороженным.

«Наверное, таким и должен быть наследник экспроприированного многомиллионного состояния, которому позволили выжить», — подумала я тогда.

Мы проговорили менее часа в кабинете Николая Петровича.

— Поймите, — задумчиво глядя куда-то поверх наших голов, сказал гость. — Правда — не всегда привилегия потомков известных людей. Смею ли я, внук Саввы Тимофеевича и Зинаиды Григорьевны, описывать страсть деда к этой актрисе... Андреевой? Могли ли мы, Морозовы, в наше время, говорить о том, что Савва Тимофеевич отказал в помощи большевикам, оставив незадолго

до этого Марии Андреевой страховой полис на предъявителя? В 1921 году они расстреляли моего отца, сына Саввы Тимофеевича... Вряд ли после этого кто-то из нас испытывал желание разбираться в причинах смерти деда. Да и вам не советую. Темное дело... — Он провел ладонью по седым волосам и, поднявшись с места, торжественно закончил: — А о себе могу сказать коротко. Я — советский писатель! Советский! И в этом — моя правда.

После его ухода я молча достала из портфеля рукопись статьи о Савве Морозове и положила перед Ерошкиным.

— Умница! — прочитав статью, сказал он и откинулся на спинку кресла. — Будете публиковать?

— Конечно! — уверенно заявила я. — Как вы думаете, куда лучше предложить?

— Попробуйте в «Вопросы истории». И не раздумывайте. Несите прямо сегодня.

Статью в журнале приняли прекрасно. Читали и перечитывали, говорили хорошие слова и, наконец...

— Вы проделали огромную работу, Наталия Юрьевна, — уважительное обращение по имени и отчеству было приятно, но насторожило. — Однако поймите, невозможно публиковать материал, в котором вы прямо или косвенно обвиняете Красина, Андрееву и Горького в убийстве Морозова. Это же люди неприкосновенные! — редактор одобрительно усмехнулся, заметив, удивление на моем лице, говорившее о том, что я поняла... значение слов.

— Но вы-то хоть понимаете, что все это правда? — именно сейчас needing в поддержке, спросила я и прищурилась от внезапной рези в глазах.

— Я? — Редактор сочувственно посмотрел на меня. — Да... — Он покачал головой. — Впрочем, не грустите. У вас еще вся жизнь впереди. Может, когда-нибудь у вас появится возможность рассказать обо всем. Всем...

...Смеркалось. Я «голосовала» у дороги. Зеленый огонек такси вывел меня из оцепенения.

— Куда едем, девушка? — приоткрыв окно, поинтересовался пожилой водитель.

— На кладбище! — буркнула я и, не дожидаясь согласия, усе-
лась на заднее сиденье.

— Не рановато ли? — посмотрел он в зеркало заднего вида.

— В самый раз, — решительно ответила я...

Когда мы подъехали, Рогожское старообрядческое кладбище
уже закрывалось.

— Опоздала, — сообщил сторож у входа.

— Пустите меня... пожалуйста... очень надо... сегодня... — го-
лосом бедной родственницы попросила я. Жалобный голос и из-
моженный вид сработали.

— К кому идешь?

— К Морозову.

— Савве Тимофеевичу?

— Савве Тимофеевичу.

— Он в это время, — сторож посмотрел на часы, — посети-
телей не ждет.

— Меня — ждет! — выпалила я. — Точно ждет!

— Хм... — Сторож покачал головой и открыл калитку. —
Проходи. Только ненадолго. И смотри, коли не ждет! — услышала
я уже вслед. — Он мужчина суровый...

Я почти бежала. Справа каркнула ворона. За ней — другая.
Недовольно и зловеще.

«Все, как и должно быть вечером на кладбище», — почти
удовлетворенно отметила я.

Слева, наконец, появился большой крест белого мрамора.

«Успела!» — Прислонившись к ограде и прикрыв глаза, я за-
мерла...

...Перед уходом, тихо сказала вслух:

— Сколько бы лет ни прошло, я расскажу о тебе правду.
Все. Обещаю.

И в этот момент услышала хлопанье крыльев. Белоснежный
голубь опустился на могильный крест и, наклоня головку то
вправо, то влево, внимательно разглядывал меня черными гла-
зами-бусинками...

...Поздно вечером в квартире раздался телефонный звонок. Го-
лос Ерошкина был едва слышен сквозь шум помех.

— Что в редакции? Отказали?

— Отказали.

— Я так и думал.

— Вы знали?!

— Конечно, знал.

— Почему не остановили меня?

— Проверка на прочность необходима. Особенно историкам. Рукопись в мусорном ведре?

— Что-о-о?!

— Понял. Так что дальше? Что вы решили?

— Была на могиле Саввы... И поклялась, что напишу о нем правду. Напишу. А вы меня знаете. Я свое слово держу.

— Что ж... — голос учителя дрогнул. — Я рад, девочка, что в тебе не ошибся, — перешел он на «ты». — И верю — у тебя все получится. А в тот день, когда будешь держать в руках написанную тобой книгу о Савве, — помолчал, — вспомни обо мне. Ведь это благодаря мне он стал... героем твоего романа.

...Шли годы. Застой, пятилетка пышных похорон, перестройка и гласность, путч, победа над коммунизмом, ваучерная приватизация, снова путч и снова победа... над самими собой, дефолт и снова медленное возрождение страны, измученной социальными экспериментами. И все это время — медленная, кропотливая работа по сбору материалов для книги, проверка версий и разочарование от попадания в тупик. Персонажи книги уже говорили и действовали, порой стыдливо замолкали и прятались, иногда пытались оправдаться и объясниться... но, главное, они ожили.

«Зеркало разбилось...» — испуганный голос Тимофея Саввича.

«Теперь эта аллея будет носить ваше имя...» — голос Саввы и неторопливое цоканье копыт двух лошадей, идущих бок о бок.

«Вовремя человека пожалеть — хорошо бывает...» — слезливый басок Горького.

«Чертов поганец Парвус прогулял в Италии мои гонорары», — тоже Горький, но уже недовольный.

«Купчишка!..» — это Книппер.

«Актерка? Я вам покажу актерка!» — истерика у Марии Федоровны.

«Очень прошу, не пиши ничего плохого про Машу», — слова, сказанные хрипловатым голосом Саввы... Уже — мне...

В бывшее имение Саввы Морозова в Одинцово-Архангельском по Каширскому шоссе я попала почти случайно. Отдыхала в санатории «Бор». Имение рядом. Прогуливалась по аллее, которую, как мне сообщили старожилы, «почему-то называют аллеей Марии Андреевой», подошла к особняку, где шли ремонтно-восстановительные работы. Села на скамейку и вдруг... рядом опустился белый голубь. Заворковал и начал внимательно рассматривать меня черными бусинками глаз...

Вернувшись домой, я снова засела за работу, описывая последний месяц жизни Саввы...

Итак, семья Морозовых в мае 1905 года переехала из Виши в Канны и остановилась в гостинице «Ройял», которая находилась на улице... И снова вопрос... В каком месте в Каннах находится или находился отель, в котором был убит Морозов? В мемуарной литературе точной информации не было. Ведущий телеканала «Культура» в одной из передач привычно сообщил обкатанную версию биографии Морозова: «Морозов, будучи человеком с большой психикой, застрелился в городе Канны в “Ройял-отеле” на улице Де Миди».

Запрашиваю своих французских коллег и друзей. Проверяют. Нет и никогда не было в Каннах такой улицы. А вот «Ройял-отелей» в прошлом веке в Каннах было несколько. Найти тот самый не удалось. Лечу в Ниццу. Недолгая поездка на машине и вот — Канны. Самый известный курортный городок на французской Ривьере. Впрочем, если убрать Международный Каннский кинофестиваль, то останутся только обычные туристические атрибуты — море, пляж, пальмы и яхты.

Начинаю по списку, составленному французскими коллегами, искать ту самую гостиницу. Вот — бывший «Ройял-отель», построен в 1910 году. Это — нынешний «Ройял-отель», построен еще позже. Пытаюсь договориться с муниципальным архивом. Телефонные переговоры не дают результата. Русского исследователя допускать в городской архив не хотят. Помог, как всегда, случай. А, вернее, — Моцарт. На концерте знакомлюсь с неким Томасом Грэхэмом, который вызвался мне помочь, узнав,

что я не просто родилась в Лондоне, но даже в том же родильном доме, что и он — в Кенсингтоне. Брат по родильному дому. А в муниципальном архиве у него знакомая... И вот уже через пару дней у меня в руках небольшая пожелтевшая фотография-открытка, на которой «Ройял-отель», существовавший в Каннах в 1905 году! На всякий случай переснимаю и увеличиваю изображение на компьютере. Между третьим и четвертым этажами ясно видна вывеска — название отеля! Теперь я знаю точно — отель находился на пересечении бульвара Круазет и улицы Коммандантэ Андрэ. Еду туда. И получаю еще одно доказательство: в реконструированном здании сейчас находятся апартаменты под названием «Вилла Ройял»!

Итак, отель найден. Теперь — почти невыполнимая задача — попытаться разыскать родственников тех, кто работал в гостинице почти сто лет тому назад. Воспоминание о таком событии, как убийство русского миллионера, могло передаваться из уст в уста. День сменяет день... И вот листаю с трудом обнаруженные списки лиц, работавших тогда в гостинице. Жак Ориоль, консьерж. Работал в 1905 году. Всю жизнь прожил в Каннах. А родственники?

«Мадам Натали, это очень сложно. Впрочем, обратитесь к мсье... возможно он...».

...Мсье не вполне соответствовал образу французского мужчины — стереотипного героя-любовника из французских кинофильмов. На встрече, окутанный сигаретным дымом, скрывающим одутловатость лица, хрипло спросил:

— А он кто вам, этот мсье Мо-ро-зов?

Я немного растерялась. Как объяснить, кто мне «этот Мо-ро-зов»? Ответ пришлось начать с вопроса о вечном и непостижимом:

— Мсье...Позвольте спросить, знаете ли вы, что такое — любовь?

Тело мсье дрогнуло и с любезными словами про мои невероятные зеленые глаза предприняло попытку освободиться из плена плотно обнимавшего его кресла, вероятно, чтобы сделать изящный французский поклон и страстно припасть к моей руке. Пришлось разъяснять, что я имела в виду «любовь с большой буквы», ради которой люди готовы на подвиг, отчаянный

поступок, в том числе, даже самопожертвование... Показалось, что мсье немного расстроился, но, выслушав рассказ о любви Морозова, в конце повествования настолько проникся сочувствием, что даже прослезился. Через три дня внука Жака Ориоля, госпожа Луиза Ориоль сидела передо мной в холле отеля и рассказывала со слов покойного деда об убийстве русского миллионера в далеком 1905 году.

— Убит? Почему ваш дед считал, что Морозов убит? — на всякий случай уточняю я.

— В тот день, а может, за день до случившегося, в отеле к дедушке подошел мужчина. Дедушка хорошо его запомнил. Элегантный, ухоженный, рыжеволосый, с аккуратной бородкой. Оставил для этого русского конверт. Дед передал конверт постояльцу и обратил внимание — тот вскрыл конверт при нем — на записку. В ней был только знак вопроса. И все. А гость, теперь я понимаю, что это был мсье Морозов, ее разорвал, взял на стойке лист бумаги, нарисовал жирный восклицательный знак и отдал дедушке, чтобы тот передал ответ тому, кто будет спрашивать... Тот человек пришел, посмотрел на восклицательный знак и попросил передать русскому на словах, что ему очень жаль... Дед всем говорил, что постояльца убили. Но хозяевам не была нужна широкая огласка, а полиции расследование. Поэтому версия самоубийства устроила всех. Вспоминая об этой истории, дед все время повторял одну фразу: «Они такие странные, эти русские...»

Что было потом я уже знала. Тело перевезли в Москву и похоронили на Рогожском кладбище. Самоубийц на кладбище не хоронят. Тем более на старообрядческом. Даже очень богатых... Гроб с телом несли от вокзала на руках. На похороны пришло более пятнадцати тысяч человек, в том числе, вся труппа МХТ. Не было только Марии Андреевой... В этот день ей нездоровилось...

Работа над книгой была закончена и рукопись передана в издательство. Приближался юбилей Саввы Морозова — 140 лет со дня рождения. А я все никак не могла успокоиться и стала снимать документальный фильм о нем. В ходе съемок очутилась под Орехово-Зуевом, в храме Рождества Богородицы. Почти девяносто лет в нем хранилась икона Саввы Стратилата, написанная на

деньги, собранные рабочими и служащими Никольской мануфактуры Орехово-Зуево в память о своем «незабвенном директоре». Икону украли из храма в середине 90-х годов после того, как показали в одной из телепередач.

Получив на то благословение епископа Филлипольского, владыки Нифона, заказала список иконы по имевшейся у меня фотографии из архива и уже через несколько месяцев счастливая стояла перед настоятелем храма...

Высокий худой священник выслушал меня и вдруг вскинул руку, тыча указательным пальцем:

— Это ты украла икону! Такие как ты! Ненавижу! Журналиги проклятые! Украла икону, а теперь грехи замолить хочешь?!

Палец вонзился мне прямо в сердце... А прекрасная икона в резном деревянном кивоте осталась у меня дома...

Спустя пару лет, я снова оказалась в Каннах, где рассказала историю про икону настоятелю русского православного храма, что на улице Александра III, архиепископу Каннскому и Западноевропейскому Варнаве.

— Сочту за огромное счастье принять сию святую икону в дар от вас нашему храму. Морозова люди помнят, да и убили его вот, буквально в пяти минутах ходьбы отсюда, — без тени сомнения сказал он. — Сделайте только латунную табличку с пояснением на двух языках — русском и французском.

И вот в июле 2005 года к 100-летию со дня смерти Саввы Тимофеевича Морозова список иконы Саввы Стратилата был перевезен в Канны (при содействии и участии вице-президента Российского фонда культуры Т. Шумовой, администрации компании «Аэрофлот» в лице В. Авилова и И. Чунихина, сотрудницы Федерального агентства по культуре и кинематографии М. Блатовой, оказавших помощь в перевозке более чем тридцатикилограммовой иконы в окладе) и передан архиепископу Каннскому и Западноевропейскому Варнаве на вечное хранение в православном храме Канн на улице Александра III.

Икона обрела свой храм.

А до этого был февральский вечер 2002 года, когда Московский Художественный театр отмечал 140-ю годовщину со дня рождения Саввы Тимофеевича Морозова.

В фойе гостям дарили книгу «Дичь для товарищей по охоте». Еще теплую, только что из типографии...

Уютный зал малой сцены был полон людей, взволнованные лица которых говорили о том, что все происходящее им не безразлично и что память о человеке, без которого не было бы Московского Художественного театра, все еще жива.

Я почти не смотрела на экран, где показывали снятый при моем участии документальный фильм «Савва Морозов: смертельная игра», а вглядывалась в лица зрителей — взволнованные, светлые. У многих на глазах были слезы... И вдруг вспомнила: Бог мой, ведь ровно двадцать лет назад, в феврале, да-да, именно в феврале 1982 года я ездила на Рогожское кладбище... «Сколько бы лет ни прошло я расскажу...»

Зажегся свет. Аплодисменты взорвали тишину. Ведущий, заведующий литературной частью МХТ милейший Николай Шейко поцеловал мне руку и предоставил слово...

На торжественном вечере не было лишь главного режиссера МХТ... Был занят...

Поздно вечером мы вышли из театра. Вспомнился один из наших последних разговоров с Олегом Николаевичем Ефремовым:

— Мы еще поставим в Камергерском памятник... Поставим! Представьте, Наташенька, скамейка напротив театра, а на ней сидят трое — Морозов, Станиславский и Немирович. Говорят, вроде, о своем, а сами внима-ательно наблюдают за нами...

— А вы не боитесь, Олег Николаевич, что им не понравится те, кого они увидят?

— Боюсь. Но мы — исправимся, — грустно улыбнулся он. — И непременно станем лучше. Непременно! Иначе и быть не может...

«...мануфактур-советник с битым черепом...»

«...экзальтированная особа по имени Наталья Вико...» «...экстаз самообожания...» «...образчик дилетантской манерной женской прозы...»

«Название книги, как вы понимаете, родилось именно отсюда. Оказывается, где-то что-то на эту тему написал Горький. Типа: «Я заказал Сене дичь...»

НАТАЛИЯ ВИКО

«...фильм с безыскусным заголовком “Савва Морозов”...»
и т. д.

Это о Савве Морозове, обо мне, книге, документальном фильме... и о себе... — корреспондент(ка) газеты «Новые известия» в отчете о юбилейном вечере...

Через несколько дней после выхода книги, приехав на дачу, я открыла окно, чтобы проветрить кабинет. В гостиной зазвонил телефон. Положив книгу о Морозове на подоконник, я вышла. А когда вернулась — увидела белого голубя, который, наклонив головку, сидел на книге, будто пытался заглянуть внутрь черными бусинками глаз...

В течение трех дней голубь то улетал, то снова возвращался на отлив у окна кабинета. И даже позволил себя сфотографировать...

Скажете мистика? Возможно. Но ведь мистика — всего лишь то, что неподвластно рациональному человеческому разуму...

А одной тайной в истории все-таки стало меньше! Во всяком случае, для меня самой...

* * *

— Как мне надоел дождь, Савва, кабы ты знал! Поливает, будто осень на дворе. Тоску навевает!

— Зинаида, голубушка моя, такой дом тебе построил, вся Москва только о нем и говорит, а ты еще смеешь о тоске рассуждать? — Глаза коренастого мужчины средних лет смеялись.

— А тебе не приходило в голову, Саввушка, что я могу просто по тебе тосковать? Ты вечно пропадаешь по своим делам, а мы с детьми только-то и делаем, что вспоминаем, когда видели тебя в последний раз. Вскорости забудешь, как выгляжу! — Повернувшись к зеркалу, Зинаида привычным движением заколола шпилькой темные волосы и довольно глянула на свое отражение.

— Да уж, забудешь, как же! — Савва порывисто обнял жену. — Не для того, наверное, тебя у племянника увел!*

— Пусти! Все кости переломаешь! — Шутливо хлопнула она мужа по спине. — Силища-то какая! Пусти, говорю!

Савва нехотя разжал руки и, уже отходя в сторону, подхватил со столикатомик в кожаном переплете.

— Никак Пушкина читаешь?

— Перечитываю. Ты-то всего Пушкина наизусть знаешь, а у меня в голове свободного места уж не осталось. Всё, куда ни глянь, хлопоты да дела. Суета одна, ей-богу!

Заметив, что Савва захлопнул книгу и прикоснулся к серебряной цепочке, явно намереваясь вытянуть часы из кармана жилетки, Зинаида замолчала.

— Так что ты говорила? — Савва отпустил цепочку и, неловко повернувшись, едва не опрокинул с подставки вазу с фарфоровыми цветами. Заметив укоризненный взгляд жены, недовольно

* З. Г. Морозова (урожденная Зимина) в семнадцать лет вышла замуж за С. В. Морозова — племянника С. Т. Морозова. Муж вскоре начал вести праздный образ жизни: женщины, карты, скачки, охота. Однажды, проявив своенравный характер, Зинаида Григорьевна пришла на бал в клуб Никольской мануфактуры одна и попала под опеку Саввы. Вскоре брак Зинаиды Григорьевны был расторгнут. Влюбленные стали встречаться открыто. Старобрядческий клан Морозовых не одобрял происходящее. Однако, заявление Саввы о том, что они ждут ребенка и решили пожениться, вынудило его родителей дать согласие на брак.